ПАМЯТИ УМЕРШИХЪ.

А. Н. АННЕНСКАЯ.

(Скончалась 6 мая 1915 года).

Александрѣ Никитичнѣ Анненской мнѣ пришлось достаточно близко узнать лишь на рубежѣ 900-хъ годовъ, когда ей было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ. Непосредственнаго участія въ общественной дѣятельности она почти уже не принимала, и мнѣ какъ-то трудно представить себѣ ее — всегда такую ровную, спокойную, даже медлительную — на общественной аренѣ, гдѣ людямъ волей-неволей приходится проявлять подвижность и нервность. Между тѣмъ въ болѣе раннія времена непосредственное участіе Александры Никитичны въ общественной жизни, несомнѣнно, было очень дѣятельнымъ, а порою, не смотря на всю ея скромность, заставлявшую ее обычно держаться въ тѣни, и очень видимымъ. Объ этомъ сузу, главнымъ образомъ, по рассказамъ другихъ. Но кое о чемъ она и сама должна была упомянуть въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ Н. О. Анненскомъ ¹⁾.

„Въ эту зиму — рассказываетъ она, напримѣръ, про 1868 годъ — на нашей половинѣ ²⁾ часто устраивались довольно многолюдныя, а, главное, очень шумныя собранія. Это было начало движенія въ пользу высшаго женскаго образованія. Мы съ сестрой принимали въ немъ дѣятельное участіе. Сторонницы этого движенія въ Петербургѣ раздѣлились на двѣ партіи: такъ называемыя „аристократки“ (Философова, Стасова, Тарновская и др.) и „нигилистки“, къ которымъ принадлежали мы. Партіи эти не были строго разграничены, многія переходили изъ одной въ другую, даже принадлежали одновременно къ обѣимъ. Во всякомъ случаѣ обѣ стремились къ одной цѣли и сношенія между ними были самыя оживленныя, хотя случались и разногласія. У „аристократокъ“ были связи въ сферахъ и онѣ лучше насъ знали, какихъ уступокъ можно ждать отъ администраціи и какимъ путемъ добиваться этихъ уступокъ. Мы были болѣе знакомы съ той средой, изъ которой должны были выйти учащіяся женщины, съ ея требованіями и стремленіями. „Нигилистки“ собирались у насъ и горячо обсуждали разные вопросы, касавшіеся расширенія женскаго образо-

¹⁾ „Изъ прошлыхъ лѣтъ“. „Русское Богатство“, 1913 г. №№ 1 и 2.

²⁾ Анненскіе жили тогда въ одной квартирѣ съ братомъ Александры Никитичны, извѣстнымъ писателемъ и потомъ революционеромъ П. Н. Ткачевымъ.

ванія и женскихъ правъ вообще, а также средства добиться этого расширенія. Собранія были исключительно женскія, мужчины на нихъ не допускались“...

Поэтому, между прочимъ. я и беру именно это мѣсто изъ воспоминаній Александры Никитичны. Квартира Анненскихъ за время ихъ совмѣстной жизни много разъ служила центромъ для интеллигенціи. Можно думать, что главной притягательной силой въ большинствѣ случаевъ являлся Н. Θ. Анненскій, но въ данномъ случаѣ дѣло было, очевидно, не въ немъ: въ качествѣ мужчины на собранія „нигилистокъ“ онъ даже не допускался. Лишь „когда митингъ расходился и за чайнымъ столомъ оставались только близкія знакомыя—продолжаетъ свой рассказъ А. Н.—Николай выходилъ изъ засады и со своею обычною горячностью говорилъ за или противъ принятыхъ нами рѣшеній“...

„Аристократки“, о которыхъ упоминаетъ А. Н., вписали свои имена въ исторію высшаго женскаго образованія въ Россіи. Но и „нигилистки“, собиравшіяся за чайнымъ столомъ у Анненскихъ, несомнѣнно, сыграли въ ней свою роль, внеся въ это дѣло съ самаго начала сильную демократическую струю. Какую роль на этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ, когда намѣчался характеръ нашего высшаго женскаго образованія, играла лично А. Н. Анненская, — мы можемъ только догадываться. Но что роль ея среди „нигилистокъ“ была не совсѣмъ заурядная, видно уже изъ того, что впоследствии, когда были учреждены высшіе женскіе курсы и при нихъ общество для доставленія имъ средствъ, руководящее положеніе въ которомъ заняли „аристократки“, Александра Никитична была избрана секретаремъ этого общества, а еще позднѣе именно ей было поручено составить историческій очеркъ высшихъ курсовъ за первую четверть вѣка ихъ существованія.

Общественная дѣятельность А. Н., далеко не ограничившаяся участіемъ ея въ такъ называемомъ „женскомъ движеніи“, стала уже забываться и потому я счелъ необходимымъ напомнить о ней хотя бы въ небольшой ея части. Что касается писательской дѣятельности, которая оставалась до послѣдняго времени главнымъ дѣломъ ея жизни, то напоминать о ней едва-ли требуется. Въ качествѣ дѣтской писательницы А. Н. успѣла пріобрѣсти достаточно широкую популярность и составленныя ею книжки („Робинзонъ Крузо“ и „Свѣтъ Азіи“ въ ея переработкѣ, „Анна“, „Зимніе вечера“, „Братъ и сестра“, „Своимъ путемъ“ и т. д.), несомнѣнно, переживуть ее и еще долго будутъ съ увлеченіемъ читаться дѣтьми, которыхъ она такъ любила. Многіе русскіе интеллигенты, несомнѣнно, съ большою благодарностью вспомнятъ и ея переводныя работы, среди которыхъ немало было капитальныхъ сочиненій, сыгравшихъ видную роль въ умственномъ развитіи русскаго общества. Въ пи-

сательской же средѣ помятъ, конечно, и ея редакторскую дѣятельность, которая порой выпадала ей на долю (она редактировала, напримѣръ, журналъ „Всходы“ въ первые годы его существованія).

Но не объ этомъ—не о дѣятельности А. Н., а о ея личности—сейчасъ, когда такъ свѣжа еще ея могила и ея образъ, какъ живой, стоитъ передъ глазами. хотѣлось бы говорить. И я позволю себѣ, хотя въ самыхъ бѣглыхъ, наскоро набросанныхъ строкахъ, подѣлиться кое-какими личными впечатлѣніями, вынесенными изъ общенія съ А. Н.

Какъ я уже сказалъ, мнѣ пришлось узнать ее, когда она почти уже не принимала непосредственнаго участія въ общественной дѣятельности, но она продолжала жить общественными интересами, близко принимая къ сердцу все, что происходило на общественной аренѣ. Сколько разъ, бывало, отправляясь на какое-либо собраніе или возвращаясь съ него, я заходилъ къ Анненскимъ, желая подѣлиться съ ними своими предположеніями и впечатлѣніями. Александра Никитична неизмѣнно проявляла самый живой интересъ къ тому, что я могъ сообщить и рассказать, причѣмъ меня всегда поражало, какъ она прекрасно ориентирована въ людяхъ и отношеніяхъ. Когда положеніе представлялось особенно труднымъ или запутаннымъ, я всегда, бывало, съ особымъ интересомъ ждалъ: что-то скажетъ разсудительная Александра Никитична? Этотъ эпитетъ какъ-то особенно шелъ къ ней. Всегда ровная и спокойная, какъ я уже сказалъ, она нерѣдко очень просто и въ то же время вполне увѣренно развязывала узлы, казавшіяся немыслимо запутаннымъ. По натурѣ она была, можно сказать, прямой противоположностью всегда экспансивному Николаю Федоровичу и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно гармонично допонила его. Можетъ быть, поэтому, когда дѣло касалось какого-нибудь общественнаго вопроса, нигдѣ не чувствовалъ я себя такъ хорошо и увѣренно, какъ въ семьѣ Анненскихъ, въ которой такъ живо переживались и такъ всесторонне взвѣшивались общественные интересы.

Разсудительная Александра Никитична отличалась вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкой выдержкой и твердостью въ общественныхъ отношеніяхъ. Мнѣ кажется, что на прегрѣшеніе она была менѣе способна, чѣмъ даже Николай Федоровичъ, который, увлекшись чѣмъ-либо, могъ зайти дальше или податься больше, чѣмъ слѣдовало. Характерно, что уже въ молодости, когда они еще были женихомъ и невестой, между ними установились такія отношенія, что именно Александра Никитична корректировала и останавливала Николая Федоровича, а не наоборотъ. „Мнѣ не нравилась—разсказываетъ, между прочимъ, она въ своихъ воспоминаніяхъ—его домашняя жизнь, не нравилось, что онъ въ угоду родителямъ поддерживаетъ сношенія съ ихъ знакомыми, людьми совершенно другого міра,

чѣмъ мы, что онъ отдаётъ слишкомъ много времени своимъ ученикамъ-юнкерамъ, которые всячески старались увлечь его въ свою кутежную компанію, иногда даже въ картежную игру. Онъ всегда откровенно признавался мнѣ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, я огорчалась, упрекала его, напоминала ему его собственные планы разумной жизни, онъ слабо защищался, каялся“...

Но я увѣренъ, что она никогда не останавливала его, какъ не остановила бы другихъ, какъ не остановилась бы и сама, когда дѣло касалось выполненія общественнаго долга. Въ этомъ случаѣ она спокойно принимала всѣ послѣдствія, вытекавшія изъ того или иного акта, какъ бы тяжелы подчасъ они не были. „Ну—что-жь“...—только и говорила въ такихъ случаяхъ она. Мнѣ пришлось видѣть, напримѣръ, какъ спокойно она относилась къ арестамъ и высылкамъ, которые не разъ постигали ихъ даже въ старости, когда людямъ особенно тяжелы подобныя „неожиданности“. Больше того: мнѣ пришлось видѣть, какъ наружно-спокойно и, несомнѣнно, сильно волнуясь въ то же время внутри, она относилась къ общественнымъ выступленіямъ самаго близкаго ей чловѣка въ послѣдніе годы его жизни, когда эти выступленія были уже губительны для его здоровья и даже прямо угрожали его жизни. Она почти не пыталась его удерживать, и для меня несомнѣнно, что, кромѣ сознанія бесполезности какихъ-либо усилій въ этомъ направленіи (все равно не удержишь!), въ ней говорило и сознаніе общественнаго долга: нельзя удерживать, разъ это нужно...

И еще одну черточку, характерную для покойной, мнѣ хотѣлось бы отмѣтить. При всей твердости и даже строгости въ общественныхъ отношеніяхъ, она проявляла вмѣстѣ съ тѣмъ удивительную терпимость въ личныхъ. Можетъ быть, умудренная опытомъ долгой жизни или просто благодаря свойственному ей трезвому взгляду на людей и на жизнь, она, кажется, никогда не забывала, что нѣтъ чловѣка безъ грѣха и что слабости свойственны всѣмъ, даже самымъ близкимъ и лучшимъ людямъ. Нерѣдко она просто констатировала эти слабости, считая, видимо, излишнимъ возмущаться ими и осуждать ихъ. И особенно это трогало, когда люди грѣшили по отношенію къ ней самой, когда она должна была страдать отъ ихъ слабостей.

Теперь, когда она ушла отъ насъ, ушла безвозвратно, это не только трогаетъ, но и заставляетъ съ особою болью сжиматься сердце. Все кажется, что мы, — даже близкіе къ ней люди, — заняты своими дѣлами и заботами, не сумѣли окружить ея старость тѣмъ вниманіемъ, какое она заслужила своею долгою, безупречною и плодотворною, жизнью.

А. Пѣшеховъ.

Редакціей „Русскихъ Записокъ“, по случаю кончины А. Н. Анненской получены слѣдующія телеграммы:

Изъ Петрограда: „Совѣтъ всероссійскаго педагогическаго общества, цѣня литературную дѣятельность Александры Никитичны Анненской и работу въ Нижегородскомъ учительскомъ обществѣ, выражаетъ глубокое сожалѣніе утратѣ. *Предсѣдатель Золотаревъ.*

Изъ Чернигова: Просимъ принять наше искреннее сочувствіе горю редакціи, потерявшей въ лицѣ Александры Никитичны не только сотрудника, но и хранителя лучшихъ завѣтовъ славныхъ „Отечественныхъ Записокъ“ и „Русскаго Богатства“. Память о почившей особенно дорога намъ, какъ память о самомъ близкомъ другѣ славнаго нашего учителя Николая Федоровича Анненскаго. *Черниговскіе земскіе статистики.*

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ.

Въ лицѣ скончавшагося 8 мая Василія Яковлевича Яковлева, болѣе извѣстнаго широкимъ кругамъ читающей публики подъ его литературнымъ псевдонимомъ Богучарскаго, изъ нашей жизни ушелъ человѣкъ, немало поработавшій для русской общественности и для русской литературы. Свою общественно-политическую дѣятельность В. Я. началъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, со всѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, но очень скоро она была оборвана постигшей его тяжелой карой въ видѣ ссылки въ Восточную Сибирь. Вернувшись изъ этой ссылки, онъ примкнулъ было къ кружкамъ народнической интеллигенціи и, въ частности, вступилъ въ довольно тѣсную связь съ заграничнымъ кружкомъ народниковъ, группировавшимся вокругъ П. Л. Лаврова. Скоро однако В. Я. порвалъ эту связь, перейдя въ лагерь народившагося въ 90-хъ годахъ русскаго марксизма и ставъ дѣятельнымъ сотрудникомъ возникшихъ въ эту пору марксистскихъ органовъ печати. Начало XX столѣтія, принесшее съ собою значительное оживленіе русскаго общественнаго движенія, внесло новые штрихи въ политическую дѣятельность В. Я. Не разрывая всецѣло своей связи съ марксизмомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ во вновь создавшуюся политическую организацію, принявшую имя „Союза Освобожденія“, и развилъ въ рамкахъ этой организаціи энергичную работу. Когда съ дальнѣйшимъ ростомъ общественнаго движенія „Союзъ Освобожденія“ распался и большинство его участниковъ разошлось частью по старымъ, частью по вновь возникшимъ партіямъ, В. Я. не вошелъ ни въ одну изъ этихъ партій и съ небольшою группою ближайшихъ своихъ единомышленниковъ остался, какъ гласило названіе издаваемаго ими тогда журнала, „безъ заглавія“. „Без-